

На фоне величественных гор и бездонного неба застыли две фигуры, словно актеры в немой сцене. Воздух между ними сгустился, стал тяжелым и зябким. Холодная сталь у горла поймала солнечный луч, ослепительно блеснув, будто напоминая о хрупкости тела. От неожиданности Янь Шэнли непроизвольно дернулся, и острое лезвие легко прочертило на коже тонкую линию. Теплая алая кровь тут же выступила из пореза, медленной струйкой поползла к ключицам. О голоде, слабости и холоде моментально забылось. На их смену пришел леденящий душу ужас.

— Двинешься, и твоя голова слетит с плеч, демоническая тварь, – прозвучало позади него. Голос был низким, хриплым и налитым такой ненавистью, что кровь в жилах стыла, а сердце застучало набатом.

Янь Шэнли замер, впившись взглядом в кусты перед собой.

«Ну что ж... По крайней мере, умереть от меча красивой и грозной заклинательницы не так уж и плохо. В книгах такое часто бывает...», – промелькнула у него абсурдная, отчаянная мысль, – «Да, конечно, у нее просто... очень низкий, хриплый от гнева голос. И рука, держащая меч, такая твердая... натренированная... Это ничего не значит, у воительниц тоже такие бывают»

Но система любезно решила развеять все его сомнения:

[Голосовой помощник]: — Позади вас стоит парень. Рост примерно пятьдесят один цунь¹, вес около ста десяти цзиней² мышечная масса явно преобладает над жировой. Вероятность того, что это «красивая заклинательница», согласно расчетам, равна нулю. Поздравляю.

¹Метр и семьдесят сантиметров

²Пятьдесят пять кг,

Эта чертова машина никак не помогала, наоборот, будто издевалась и подливала масла в огонь его внутренней паники.

«Ты меня за идиота держишь?!» – мысленно взвыл Янь Шэнли.

Нервы были на пределе. Пальцы так сильно сжали деревянную трость, что, казалось, она вот-вот треснет. Он пытался подавить дрожь в голосе, сделать его твёрдым, но получилось лишь жалкое, предательски вибрирующее подобие:

— Г-господин, о чём вы г-говорите? Вы, н-наверное, ошиблись... – его собственный внешний вид кричал сам за себя. Какой бы человек сейчас не спутал его с демоном?

В ответ раздалось раздражённое цоканье языком, а затем по телу Янь Шэнли прокатилась странная, согревающая волна. Она сковала мышцы, будто гипсом, вынуждая застыть.

«Что-то мне это не нравится...», - промелькнуло в голове, прежде чем тело ослабло, и он рухнул на колени. В ушах отозвался шелест травы под тяжёлыми сапогами его захватчика.

На него свысока смотрел мальчишка лет пятнадцати, не больше. Но в его зеленых, как весенняя листва, глазах не было ни капли детской наивности, наоборот, лишь холодная уверенность хищника, оценивающего пойманную добычу. Его черты, уже начавшие приобретать взрослую резкость, были искажены надменной ухмылкой. Он медленно обошел Янь Шэнли по кругу, вглядываясь в его потрепанный вид, и затем довольно кивнул, будто нашел то, что искал.

Тишину разорвало громкое, энергичное ржание. Из-за деревьев вышла великолепная белоснежная кобыла. Её грива, волнистая и густая, развевалась на ветру, а шерсть лоснилась и переливалась на солнце, словно шёлк. Лошадь подошла к юноше, покорно склонив голову и позволив ему провести ладонью по своей шее.

— Ты поедешь со мной, - заявил подросток, обращаясь к «добыче» тоном, не терпящим возражений.

Его пальцы сложились в сложную, но отточенную печать. Невидимые тиски вновь сжали тело и в следующее мгновение Янь Шэнли безболезненно перебросило через спину лошади, как тук с сеном. Воздух вырвался из легких с болезненным хрипом.

— Шифу³ будет мной гордиться, - с самодовольным видом пробормотал себе под нос мальчишка, легко вскакивая в седло.

³Шифу — при общении/упоминании своего учителя, личный ученик называет его "шифу". Другие люди, которые не знакомы с его учителем, или же обычные ученики (не личные), не могут называть его шифу. Те, кто напрямую или же нет будет обращаться к учителю (и не важно, чей это учитель), будут использовать "Лаоши".

Янь Шэнли мысленно готовился к худшему - к пыткам, к заточению, ко всему, что, по его представлениям, ожидало «демоническую тварь» в руках заклинателей. Но вместо этого перед его внутренним взором всплыли чёткие, холодные строки, словно выжженные на сетчатке:

[Предупреждение системы]:

[При столкновении с действующими лицами, пользователю запрещено раскрывать тайну о переселении души]

[При раскрытии пользователя ждет немедленное уничтожение]

[Пользователь не должен вызывать подозрений у действующих лиц]

[Пользователь имеет право на свободу действий, если при этом не нарушает предыдущие правила]

[Пользователю нельзя заводить отношения с заклинательницами. Вы должны быть сосредоточены на главном злодее]

Взгляд Янь Шэнли задержался на последнем уведомлении. Холодный ужас сменился волной возмущения, такого сильного, что он едва не задохнулся.

«Ты совсем там с ума сошла?! Это и есть мой «выбор»?!»

Он понял всю гениальную жестокость системы. Ему не просто подбросили в руки беспроигрышный, на первый взгляд, вариант «хард». Его загнали в идеальную ловушку. Любое его действие теперь было под пристальным наблюдением. Малейшая ошибка – не та интонация, не тот взгляд, знание того, чего он знать не должен – и его прикончат либо люди, либо сама Бию. А единственный «безопасный» путь вёл напрямик к тому, кто, скорее всего, с наслаждением будет упиваться его муками.

Кобыла тронулась с места. Каждый её шаг отдавался болезненным толчком в рёбра. Янь Шэнли видел лишь мелькающие под брюхом лошади травинки и сапог своего юного похитителя.

Впереди его ждала судьба, от которой кровь стыла в жилах. А единственным его спутником был безжалостный, саркастичный голос в голове, который, как он теперь понимал, в любой момент мог стать его палачом.

□□□

С оглушительным грохотом дверь распахнулась, едва не сорвавшись с петель. В комнату, подобно урагану, ворвался Лао Гун, чуть не опрокинув дорогую фарфоровую вазу с вином, бережно поставленную в углу.

Ши Мэнъяо, застигнутый врасплох, подпрыгнул на месте, словно обжёгшись. Рука с инстинктивной быстротой швырнула ярко иллюстрированный том под кровать. Он резко выпрямился, его лицо за мгновение сменилось с виноватого на надменно-спокойное. Мужчина силой воли старался выкинуть из головы всю только что прочитанную «похабщину».

— Ученик осмелился потревожить отдых учителя? – голос прозвучал холодно, идеально скрывая смущение.

Он смерил взглядом запыхавшегося Лао Гуна, с явным недовольством отмечая его пыльную одежду и взъерошенные волосы. Больше всего в своих учениках он терпеть не мог их неряшливость. Что за неподобающий вид у адепта? Ши Мэнъяо изящным движением раскрыл

складной веер с изображением цветущей сливы, прикрывая им нижнюю часть лица, словно защищаясь от всего этого непотребства.

— Объяснись. И приведи в порядок свой вид. Ты похож на оципанного цыплёнка, побывавшего в драке с котом.

Лао Гун, пытаясь отдышаться, сделал низкий, почтительный поклон.

— Простите этого неразумного ученика, шифу! Там... там... – слова путались и наезжали друг на друга, все никак не собираясь в одно логическое предложение.

— Говори медленнее. И по делу. Мой отдых, как ты мог заметить, был посвящён... углублённым размышлениям, – он бросил быстрый взгляд под кровать. Мужчина неторопливо прошелся по комнате, останавливаясь у окна, его белоснежные с изумрудными переливами одежды мягко шуршали. В лучах заходящего солнца сапфировые глаза казались ещё глубже и пронзительнее.

— К тому же, ты ворвался сюда, словно стадо разъярённых быков, едва не разнеся мою скромную обитель, а теперь не можешь связать и двух слов?

— Шифу! Прошу, спуститесь в главный холл! Сию минуту! – Лао Гун не мог скрыть лихорадочного возбуждения. Он жестом показал на дверь. — Я... я поймал Его!

Ши Мэньяо поднял идеально очерченную бровь.

— «Его»? Ты поймал рассудок, наконец? Или того таракана, что завёлся в твоей голове и не даёт тебе усвоить правила приличия?

— Нет! – Лао Гун почти подпрыгнул на месте. — Демона! Того самого, что насылает поветрие на лекарей в селении! Я выследил его и пленил!

Последние слова он выкрикнул с такой силой, что сам испугался и прикрыл рот ладонью.

Ши Мэньяо замер. Веер в руке перестал обмахивать лицо. Всё его внимание теперь было приковано к ученику. Лёгкая насмешка исчезла с лица. Лао Гун схватил шифу, чуть ли не таща по скрипучей лестнице вниз, отпуская только тогда, когда они оказались в главном зале постоянного двора. Мужчина собирался уже отчитать ученика за очередную выдумку, как его взгляд упал на пленника: парень сидел за пустым столом, чуть склонившись вперед. Руки были скованы за спиной тускло мерцающей духовной нитью, не оставляя никаких шансов на побег.

Шум холла, торжествующее ожидание Лао Гуна, даже собственное раздражение – все померкло.

Мир сузился до одного до боли родного профиля.

Тот, кого он не видел много лет. Тот, кто исчез так неожиданно, чьё имя стало запретным шёпотом в стенах их ордена. Черты, которые он считал навсегда стёртыми временем, проступили сквозь грязь и бледность, словно появились на старой картинке. Перед ним сидел призрак... Люй Сюина. Сердце Ши Мэньяо сжалось, совершая болезненный, неровный прыжок в груди. Он непроизвольно сделал шаг вперёд, его изящный веер замер в расслабленной руке.

— А-Люй... - имя сорвалось с губ беззвучным выдохом, шёпотом, полным неподдельного потрясения и щемящей боли.

Но почти сразу же его окатила реальность. Внешний вид шиди Обращение при воспитании одним учителем был ужасающим: грязная, порванная одежда, неестественная бледность, а в глазах... в тех, некогда ясных и тёплых, которых он помнил, теперь плескалась чужая, дикая паника. И еще эта печать, что сковывала его, как какую-то подлую тварь.

Что случилось с его братом? Где был все эти годы? И почему Лао Гун, этот несмышлёный щенок, утверждает, что пленил демоническое отродье?

Ши Мэньяо медленно выдохнул, заставляя себя сохранять спокойствие. Он скользнул взглядом с бледного, испуганного лица Люй Сюина, на сияющее от гордости лицо своего ученика.

— Лао Гун, - голос звучал неестественно ровно, все-таки выдавая внутреннее напряжение. — Ты утверждаешь, что этот... мужчина и есть тот самый демон, насылающий поветрие?

□□□

Постоялый двор был похож на сборище отверженных артистов, провалившихся с гастролями. Воздух здесь спертый, пахнувший дешевым рисовым вином, пылью и чем-то сладковато-приторным, отдаленно напоминающим запах увядающих цветов. Посетители, разбросанные по тёмным углам, выглядели причудливо: лица, размалёванные яркими красками, одежды всех цветов радуги, странные, обвешанные амулетами посохи и музыкальные инструменты необычной формы.

«Безвкусица какая...», - подумал Янь Шэнли, украдкой разглядывая компанию у дальнего столика. Его внимание привлекли их оживлённые, но приглушённые голоса. Он наклонился вперед, стараясь уловить каждое слово.

— ...и снова! Вчера ночью старый Ли, тот, что с восточной окраины...

— Опять эти язвы?

— Говорят, к утру всё его тело кишело этими... этими личинками. Они шевелились под кожей, а потом... бабочки... Чёрные, с кровавыми глазами...

История о демоне-убийце лекарей заставила кровь похолодеть. Парень впился в рассказчика взглядом, подхватывая каждую леденящую душу подробность, совсем не замечая пристального взгляда со стороны.

«Что за...», – Янь Шэнли почувствовал, как по спине пробежал холодок, — «бредни».

Тишину в его голове внезапно разорвал настойчивый механический голос, заглушив все остальные звуки.

[Голосовой помощник]: — Обнаружена ключевая фигура: Ши Мэнъяо. Статус: заклинатель высшего ранга, приближенный к главному герою. Внимание: персонаж представляет высокий уровень угрозы. Рекомендуется соблюдать крайнюю осторожность.

Парень вздрогнул. Угроза? Он начал вертеть головой. Где? Кто такой? Глаза быстро нашли виновника резкого пробуждения системы: высокий, стройный мужчина в белоснежно-изумрудном ханьфу стоял около лестницы, надменно рассматривая Янь Шэнли. Он выглядел как аристократ, случайно забредший в логово нищих.

[Голосовой помощник]: — Взаимодействие с данной фигурой приближает к активации арки «Демон поветрия». Начало арки неизбежно.

Перед глазами поплыли уведомления:

[Поздравляем! Вы встретили Ши Мэнъяо, шисюнаШисюн — старший брат. Обращении при воспитании одним учителем Люй Сюина и верного пса главного героя Цэнь Фэна]

[Вы стали на шаг ближе к знакомству с главным героем Цэнь Фэном!]

[Вы стали на шаг ближе к знакомству с главным злодеем Вэн Лицзянем!]

[+100 баллов за встречу с Ши Мэнъяо]

[Арка «Демон поветрия» началась!]

«Баллы?» – мысленно фыркнул Янь Шэнли. — «Какие к черту баллы, когда он смотрит на меня, как на диковинного жука, которого вот-вот пришьют к коллекционной доске?!»

Парень пытался отвести взгляд, сделать вид, что изучает трещины в деревянном столе, но у самого ком в горле встал — ни проглотить, ни выплюнуть.

Да и к тому же...

«Подожди, кто такой Люй Сюин?», – Янь Шэнли лихорадочно листал воображаемые страницы прочитанного романа, но ничего не находил. Это имя не значилось ни среди второстепенных персонажей, ни среди упоминаний в прошлом.

«Я занял чужое тело, но при этом понятия не имею, кто это такой!», – отчаяние сменилось бессильной злостью. — «Ты точно хочешь моей смерти! Поганая Бию, что мне теперь делать?! Как по-твоему я должен выживать в этом мире, не зная собственной личности?!»

Появилось дикое желание отмотать время назад, закрыть глаза и проснуться в своей теплой постели, чтобы понять, что это был всего лишь бредовый сон.

«Быстро отвечай!», – мысленно взвыл Янь Шэнли, впиваясь ногтями в ладони, чувствуя, как взгляд Ши Мэнъяо стал еще более напряженным, вероятно, из-за испуганного выражения на лице «Люй Сюина».

[Голосовой помощник]: — Обнаружены фрагменты остаточных воспоминаний, связанные с текущим местоположением и фигурой Ши Мэнъяо. Анализ... Воспоминания фрагментарны. Повышенный эмоциональный отклик может спровоцировать непредсказуемую реакцию организма. Рекомендация: контроль дыхания, подавление паники.

«Остаточные воспоминания?»

В его сознании мелькнули обрывочные, лишённые смысла образы:

Холодный камень... он стоял на коленях на заледеневших плитах, дрожа от холода и боли. Спина пылала от жгучих ударов гибким прутком;

Тихий смех. Чей-то насмешливый, бархатистый голос где-то позади: «Слишком мягко. Из тебя, шиди Люй, никогда не выйдет настоящего заклинателя. Ты даже свой собственный оберег как следует зарядить не в силах».

И чувство жгучего стыда от ядовитых слов, что в душу впивались самыми настоящими иглами.

Запах крови и сандала. Душная комната, увешанная разнообразными свитками. На полу – бинты, какие-то чистые, а какие-то с кровавыми расплывчатыми алыми пятнами. Чья-то рука с длинными пальцами крепко, но не больно сжимала его запястье, заставляя поднять взгляд. И те самые сапфировые глаза, наполненные самым настоящим раскаянием.

«Прости...»

Ночь. Тихий шепот у двери его небольшой комнаты. Оставленный у порога маленький глиняный горшочек с дорогой мазью из целебных трав. И быстро удаляющиеся шаги, которые теперь, спустя время, узнавались безошибочно.

Ши Мэнъяо с холодным, равнодушным лицом отчитывал его при всех за очередную оплошность, но его слова, хоть и резкие, всегда были точны и по делу – в отличие от других, кто искал лишь повод поиздеваться. А когда толпа расходилась, тот же взгляд, мельком брошенный через плечо, был полон безмолвного понимания и... вины?

Миг, выбивающийся из общей череды унижений.

«Спрячь. Чтобы другие не дразнили»

Руки, протягивающие ему сломанный нефритовый амулет – его очередная попытка. И стремительно удаляющаяся спина в белых одеждах адептов.

Мысли были обрывочными, абсурдными и пугающими. Янь Шэнли яростно потрянул головой, пытаясь отогнать наваждение. Это не его прошлое. Это ловушка, марево этого никчемного тела. Парень глубоко, почти судорожно вдохнул, пытаясь последовать совету системы, но воздух словно обжёг ему лёгкие. Он почувствовал, как его «новое» тело отреагировало на панику совсем не так, как хотелось бы. Сердце забилось с непривычной частотой, в висках застучало.

Ши Мэнъяо в это время, словно заметив ошалелый взгляд, дернулся в его сторону. Лао Гун, что выглянул изо спины своего шифу, растерянно бегал взглядом по этим двоим. То останавливаясь на «добыче», что сейчас сидела, согнувшись в три погибели, то на Ши Мэнъяо, чьи плечи, всегда такие прямые, на миг содрогнулись. Он никогда прежде не видел учителя таким. Это было так же странно, как увидеть гавкающую кобылу.

«Нет. Нет-нет-нет. Он идёт сюда. Что мне делать?!», – панически застучали мысли в голове Янь Шэнли. Казалось, «шисюн» его видел насквозь – самозванца, застрявшего в теле, ему не принадлежащем.

И словно мольбы, услышанные богами, веревка, сковывающая руки немого, ослабла благодаря внутренним метаниям Лао Гуна. Давление на груди исчезло, позволив наконец сделать полный, хоть и прерывистый вдох. Этот клочок малой, но все же свободы, стал сигналом к действию. Мысли с бешеной скоростью закрутились в сознании:

«Система молчит... гадюка такая.»

«Я в теле незнакомца, и этот человек... он знает того, чье тело я занял.»

«Что же мне делать, что делать? Думай, думай, ну же!»

«О!»

Янь Шэнли заставил себя поднять взгляд на человека в белоснежно-изумрудном ханьфу.

Внутри всё сжималось в ледяной ком, но на лице он попытался изобразить лишь слабую, растерянную гримасу. Голос полился хрипло и неуверенно, идеально передавая смятение того, кому отшибло память.

— Вы... кто вы? - Янь Шэнли сделал вид, что с трудом сфокусировал взгляд на Ши Мэнъяо, затем перевёл его на Лао Гуна. — Зачем... зачем вы меня схватили? Где я?

Парень намеренно сделал потерянный вид, надеясь, что образ жертвы, ничего не помнящей и никого не узнающей, вызовет хоть каплю жалости или хотя бы замешательства. В конце концов, какой из него заклинатель? Он и меч-то в жизни никогда не держал, не то что эти замысловатые печати руками выводить.

Ши Мэнъяо замер. Его безупречное холодное лицо не дрогнуло, но в глубине глаз что-то едва уловимо блеснуло - борьба между железной волей и внезапно ожившей болью. Он незаметно сжал пальцы, спрятанные в широких рукавах.

— Схватили? - спросил заклинатель ровно, без единой нотки гнева, но от этого не менее опасно. Мужчина сделал легкий шаг вперед. — Ты был обнаружен на месте, где орудует демон, повинный в гибели людей. Твое состояние... - взгляд скользнул по грязной, мокрой одежде Янь Шэнли, — вызывает вопросы.

Если бы можно было просто развернуться и бежать - Янь Шэнли бы уже давно умчался прочь, не оглядываясь.

— Господин, к-клянусь, я правда не понимаю, о чём вы... - голос дрожал, но в этой дрожи не было притворства. Парень молился всем богам, которых только мог вспомнить, лишь бы не быть приконченным на месте по подозрению в чём-то ужасном. — Я не знаю, кто я. Я ничего не помню. Откуда мне знать вас?

Пленник перед Ши Мэнъяо походил на утопленника, выброшенного волнами на берег после долгих дней в воде. Все кричало о чём-то нечеловеческом, даже зловещем. Мужчина чувствовал этот слабый, но отчётливый запах тления, который обычно витал вокруг низших демонических существ.

Но глаза...

В этих глазах не было ни зловещей пустоты, ни демонической одержимости. Только настоящий животный ужас и, что самое странное, живой, человеческий блеск.

«Притворство? Маскировка, столь искусная, что обманывает даже чутье? Или... что-то иное, чего я не понимаю?», - это противоречие между внешним видом и внутренним светом сбивало с толку, заставляя Ши Мэнъяо усомниться.

Его браслет на запястье отозвался лёгким, едва ощутимым теплом – напоминанием о данной клятве защищать людей от сил тьмы, какой бы облик они ни принимали.

— Незнание себя – удобная позиция, – наконец произнёс мужчина. Он неотрывно смотрел на Янь Шэнли, чуть прищурившись, словно изучал каждую микроскопическую реакцию, — особенно когда тебя находят в эпицентре демонической активности. Объясни, что ты делал у озера Цзиншуй? Что привело тебя туда, если ты не помнишь даже собственного имени?

Янь Шэнли открыл рот, чтобы ответить, но его опередил Лао Гун:

— Шифу, не тратьте на него слова! – Выпалил юноша, сжимая кулаки. — Посмотрите на него! От него исходит демоническая ци, смерть и... и... это же очевидно! Он притворяется! Давайте просто...

— Молчи, – голос Ши Мэнъяо не повысился ни на йоту, но Лао Гун мгновенно замолк, будто ему перекрыли воздух. Заклинатель даже не повернул голову в сторону своего неугомонного ученика. — Я не спрашивал твоего мнения. Ты совершил опрометчивый поступок, проявив инициативу без моего ведома. Не усугубляй свою оплошность.

Мужчина вновь обратился к дрожащему Янь Шэнли:

— Ты утверждаешь, что не помнишь. Хорошо. Ответь тогда на то, что можешь. Ты чувствуешь голод? Жажду? Что ты ощущаешь сейчас, в этот момент? Страх – это понятно. А что ещё?

Ум парня лихорадочно работал. Он должен был отвечать осторожно, но правдиво. Казалось, этот человек чувствовал ложь на инстинктивном уровне.

— Я... я чувствую холод. Всё тело ломит. Голова раскалывается. И... и пустоту. Такую пустоту, будто меня вывернули наизнанку и всё выскребли. Но не голод. Только... опустошение.

Ши Мэнъяо внимательно слушал. О чем он думал, догадаться было нельзя, его лицо оставалось непроницаемой маской.

— Пустота, – повторил мужчина задумчиво. — Интересно. Демоны обычно жаждут. Жаждут жизни, плоти, энергии. Они не знают пустоты – они сами есть воплощение алчной, всепоглощающей сущности. Твои слова либо гениальная ложь, либо печальная правда.

Ши Мэнъяо тяжело вздохнул, медленно скользнув взглядом по контурам пленника, выискивая малейшую фальшь, невидимые глазу изъяны в самой его сущности. Казалось, заклинатель пытался разглядеть тень прежнего человека в этих обманчиво знакомых глазах.

Внезапно духовная нить, все это время сковывающая руки Янь Шэнли, ожила. Она зашевелилась словно разумное существо, извиваясь теплым, серебристым потоком. На

мгновение парень почувствовал призрачную свободу, легкость в груди, но она длилась какое-то ничтожное одно сердцебиение.

Нить, словно выполняя беззвучный приказ, плавно соскользнула, оставив на коже лишь легкое, прохладное покалывание. Она закрутилась в воздухе, как расплавленное серебро под луной и мягко опустилась на запястье Янь Шэнли. Металл, еще мгновение назад жидкий и податливый, застыл, приняв форму изящного, идеального обруча.

Янь Шэнли, не веря собственным глазам, поднес руку к лицу. Браслет был холодным и гладким на ощупь. На его поверхности переливались сложные узоры, целые танцующие линии тоньше самой паутины. Они расходились и сходились вновь, образуя гипнотические паттерны. В тусклом свете таинственные письмена будто шевелились, перетекая друг в друга, составляя бесконечно сложное и таинственное послание.

— Ты будешь находиться под наблюдением, пока не прояснится твоя природа. Этот браслет – не только ограничитель. Попытка сбежать или снять его причинит боль. Сильную боль. Советую не проверять.

Янь Шэнли уже открыл рот, готовый излить поток возмущения, он хотел кричать, что не демон, что жертва, что он всего лишь случайный пленник в этом безумном мире. Но слова так и застряли в глотке. Неожиданный, душераздирающий, хриплый вопль, полный такой нечеловеческой агонии, ворвался в холл. Все взгляды, как по команде, резко метнулись ко входу. В дверном проёме, еле переставляя ноги, покачивался мужчина. Он сделал несколько шагов вглубь зала, его рука беспомощно протянулась вперёд, словно ища спасения. Но сил не хватило. Он рухнул на пол с глухим стуком, и его спина предстала взорам ошеломлённых зрителей. То, что открылось взгляду, не поддавалось описанию. Спина была не просто ранена – она была разворощена, превращена в кровавую массу, в которой копошилось, шевелилось и пожирало плоть нечто отвратительное. Чёрные, с металлическим отливом бабочки. Вместо изящных хоботков у каждой из них была пасть. Маленькая, но усеянная рядами острых, как бритва, игольчатых зубов. Они с хрустом вгрызались в обнажённые рёбра, в мышечную ткань, их крылья, забрызганные алым, судорожно вздрагивали в процессе пиршества.

В постоялом дворе воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь ужасающим, влажным хрустом.

<http://bllate.org/book/17378/1629811>